

Думать, мыслить...

«Общество и молодежь».
Москва, 1968, с. 258-279

Казалось бы, они очень далеки друг от друга – философия и молодость. Философия чаще всего представляется в образе убеленного сединами мудреца, размышляющего в спокойном уединении о всеобщих закономерностях мироздания, о таинственных глубинах бытия и познания, о «трансцендентальном единстве апперцепции» и тому подобных сюжетах, в образе отрешенного от мирской суеты, от радостей ее и горестей старца, постигшего на склоне лет ту истину, что спокойнее и правильнее всего ни над чем не смеяться, ни о чем не плакать, а все понимать...

«Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показывает, что некоторая форма жизни постарела, и своим серым по серому философия может не омолодить, а лишь понять ее; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек...» (Гегель).

У молодости отношение к такому занятию, по-видимому, естественное – успеется...

Солнечное утро весеннего дня гораздо больше располагает к иному времяпрепровождению – к веселому наслаждению пестрым великолепием красок и звуков, избытком сил здоровой мускулатуры, радостным ощущением новизны и неповторимости окружающего, в которое хочется нырнуть с головой как в море – [258] чтобы плыть, плыть и плыть навстречу играющим волнам и вольному ветру...

Что из того, что позднее придет осень жизни? Тогда и будет время подумать. А пока есть силы...

«Стремитесь к солнцу, друзья мои, чтобы скорее созрело счастье рода человеческого! Что значат мешающие нам сучья и ветви? Продирайтесь сквозь заросли к солнцу! А устанете – тоже не беда, тем слаще будете спать!» (опять Гегель, только молодой).

Молодости свойствен безоблачный оптимизм. И это очень хорошо. Но все же лучше, когда этот оптимизм не бездумный. Ибо бездумный оптимизм – опора в жизни непрочная. Чаще всего хватает его ненадолго, – и тогда перед нами трагикомическая фигура смолоду разочарованного в жизни («познавшего жизнь») «философа», эдакого доморощенного Шопенгауэра. «Он пел поблекший жизни цвет без малого в осьмнадцать лет». Разлетелся навстречу всем ветрам, не глядя под ноги, – и споткнулся о первый попавшийся камешек. Ожидал законных удовольствий, наивно полагая, будто планета наша уже для его полного счастья вполне оборудована, а получил синяк или шишку на лбу, хорошо еще, что не переломал ноги. И растет на этой шишке, как на фундаменте, целое мироздание, где все рисуется уже не серым по серому, а сплошным черным по черному... И синяк, бывает, сойдет, а мировоззрение, «ценой страданий нажитое», остается. И там, где раньше видел человек одни благоухающие розы, не обращая внимания на шипы, теперь торчат в его глазах одни колючие тернии, в гуще которых и роз-то не видно. Да и сами розы-то кажутся ему теперь сплошным обманом, «приманкой для дурачков» – и только.

Коварную шутку может сыграть с человеком оптимизм, ежели он бездумный. И становится тогда молодость легкой добычей для философии, только, увы, далеко не лучшей, и, несмотря на свою мудрую внешность, ничуть не более глубокой, чем покинутый ради нее младенческий оптимизм. Философии, которая, как и религия, зорко подстерегает человека в минуты горя, в годину несчастья, в час неожиданно грянувшей беды.

И лучше все-таки не ждать, пока такая философия, выбрав момент, хищно вцепится своими когтями в твою удрученную неудачами голову, прикинувшись доброй утешительницей, а позаботиться о том, чтобы вовремя, пока не потускнел еще естественный и законный оптимизм молодости, подружиться с хорошей, настоящей философией.

С философией, которая учит видеть одинаково ясно и розы и шипы реальной жизни, с философией, которая не [259] слепнет в сиянии солнца и помнит о тучах, нависших над горизонтом нашего века, а в мрачные дни ненастья напоминает о том, что за грозовыми тучами скрыто все-таки чистое и ясное небо. С материалистической философией Маркса и Ленина, являющейся высшей школой теоретического мышления.

Речь, конечно же, идет не о том, чтобы срочно засадить молодость за философию, превратив ее в обязательный предмет изучения, уговорить ее забросить остальные дела и погрузиться в пучины философской мысли. Вовсе нет. Кроме всего прочего, сама философия давно установила – и это столь же бесспорно, как дважды два – четыре, что реальная жизнь с ее радостями и горестями все-таки важнее, чем знание о ней. Тем не менее философия, притом самая серьезная и глубокая, вполне может найти себе место именно в ряду радостей и жизненных интересов и стать такой же естественной потребностью для ума, какой является спорт, физическая культура для молодого растущего тела. Духовной потребностью, которая в молодости часто находит себе ложный выход, мнимый способ удовлетворения, а потому и не развивается, а иногда и совсем угасает. Та самая потребность чем-то «занять свой ум», которая нередко растрачивается впустую в свободные от других занятий часы.

Потребность «занять свой ум», потребность думать, мыслить... Вряд ли приходится доказывать, что «ум» – это не роскошь, а гигиена. Каждый и без философии понимает, что умным человеком быть лучше.

Но далеко не каждый – и даже весьма умный – понимает, что «ум», умение думать, способность умело мыслить, – это способность, которая вовсе не достается человеку даром, а есть *умение*, которое каждый человек может и должен сам в себе воспитать, развить, постоянно тренируя орган мышления – мозг – с помощью соответствующих упражнений.

А о системе упражнений, развивающих «ум», бесполезно обрести верное представление уже смолоду. И чем раньше, тем лучше, ибо «ум», как и все остальные способности человека, гораздо легче прививается и развивается именно в молодости, даже в детстве. А чем позднее – тем труднее. Вот тут-то без философии, притом без самой серьезной, уже не обойтись. Без нее тут сделать что-либо путное трудно, если не вовсе невозможно, точно так же, как мудрено разработать хороший комплекс физических упражнений для утренней зарядки без знания медицины, без достаточных познаний в области анатомии и физиологии человеческого организма. [260]

Но уже с самого начала разговора об этом важном предмете – об «уме» – мы вынуждены вступить в спор с одной широко распространенной «философией» – с мнением, согласно которому «ум», то есть способность думать, умение мыслить – от бога (в более

просвещенной терминологии – «от природы») и что ни научить, ни научиться ему нельзя. Это уже самая философия, только скверная, доморощенная, хотя очень часто она и выступает в наши дни в облачении самой высокопарной и архинаучной фразеологии.

Подлинно научная философия давно пришла к категорическому выводу, что «умом», то есть способностью самостоятельно мыслить на уровне современной культуры, человек обязан «матери природе» так же мало, как и «богу-отцу». Он обязан этим даром только самому себе. Природе мы тоже должны быть весьма благодарны – она наделила нас мозгом – тем органом, который в силу своего естественного устройства может быть развит в орган человеческого мышления. Однако мозг сам по себе, в том виде, в каком он был подарен нам матушкой природой, способен «мыслить» так же мало, как кусок мрамора – превращаться в статую. Использовать свой мозг для мышления человек вынужден учиться, как и всем остальным человеческим способностям и умениям. Мыслит не мозг – мыслит человек с помощью мозга, и способность делать это не только «развивается» (в смысле «совершенствуется»), а и возникает впервые только вместе с приобщением вновь пришедшего в мир человеческого существа к общественно-человеческой культуре, к знаниям, добытым трудом предшествующих поколений. Попадая в условия человеческой жизнедеятельности, ребенок должен учиться думать, точно так же, как его вынуждают учиться ходить на двух ногах (этим он, кстати, тоже «от природы» не обладает).

«Ум» не даром в русском языке происходит от одного корня со словом «умение», «умелец». Умный человек – это человек, умеющий думать, умеющий самостоятельно мыслить, судить о вещах и о людях с точки зрения тех или иных норм и критериев человеческой культуры, с точки зрения знания и в конце концов с точки зрения науки.

Этому как будто противоречит тот очевидный факт, что часто мы встречаем весьма умных людей, не получивших не то что высшего, а и среднего образования. И наоборот, не редкостью во все времена был ученый дурак – персонаж, каждому хорошо знакомый. Так, что много знать – это не одно и то же, что уметь мыслить.

«Многознание уму не научает», – предупреждал еще на заре философской мысли Гераклит Темный из Эфеса. Правда, [261] тот же самый Гераклит сказал, что мудрецы именно «много знать должны» и что без знаний нет настоящей мудрости.

«Ум» (мудрость) – это не «знание» само по себе. Это умение правильно обходиться со знаниями, хотя бы и с небольшими, умело распоряжаться ими. И простое «усвоение» знаний еще автоматически не приводит к образованию «ума».

Каждому известна интернациональная притча про «дурака», который не вовремя и не к месту произносит заученные им фразы («таскать вам, не перетаскать»). Да, можно заучить и запомнить огромное количество самых правильных фраз, в том числе фраз, содержащих в себе научные положения. И при этом остаться неумным. Даже заучив наизусть формулы целой науки, ее «алгоритмы», ее законы и «правила».

Философия когда-то назвала способность умело распоряжаться знаниями «способностью суждения». Способность суждения – это умение определять – подходит ли данный случай под данное правило или не подходит и, стало быть, относится ли к данному случаю все то, что тебе известно из школы, из науки, или не относится?

«Ум», иными словами, можно определить чуть точнее как «способность суждения». И эта способность не может быть заменена никаким сколь угодно точным и строго

сформулированным «правилом». Не может быть «правила» обращения с самими «правилами», ибо, зазубрив это очередное «правило», человек опять-таки окажется в том же печальном положении – ему опять придется самостоятельно решать вопрос: а как его «применять» и применимо ли оно в данном – всегда неповторимом – стечении обстоятельств?

Так определил проблему «ума» Иммануил Кант в своем создавшем эпоху сочинении, в знаменитой «Критике чистого разума». К этому он добавил рассуждение, не потерявшее смысла и в наши дни:

«Недостаток способности суждения есть собственно то, что называют глупостью: против этого недостатка нет лекарства». Любой, даже «тупой или ограниченный ум, – продолжает Кант, – может, однако, с помощью обучения достигнуть даже учёности. Но так как вместе с этим подобным людям недостает способности суждения, то не редкость встретить очень ученых мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток»¹.

«Ум», стало быть, надо иметь независимо от всех тех «правил», «законов», «формул», «алгоритмов» и [262] «формализмов», в которых выражена Наука, веками накопленная мудрость человечества, духовное богатство, – «и недостаток его не может быть возмещен никакою школою, так как школа может только доставить ограниченному рассудку и как бы вдолбить в него все правила, добытые чужим пониманием, но способность правильно пользоваться ими должна принадлежать самому воспитаннику, и в случае недостатка этого естественного дара никакие правила, которые были бы предписаны ему с этой целью, не застрахуют его от ошибочного применения их»².

В этом рассуждении справедливо, пожалуй, все – за исключением одной детали: Кант определяет «ум», «талант», наличие способности суждения – «естественным даром», то есть даром природы. Или бога – в спор между ними Кант предпочитает не углубляться.

В этом пункте дальнейшее развитие философии внесло серьезную поправку. «Ум» пробуждают, стимулируют и совершенствуют в человеке только условия человеческой жизнедеятельности. Вне общества, будучи изолированным от общения с другими людьми с детства, человек не обретает и не может обрести никакого «ума», никакой «способности суждения». Это не только категорический вывод подлинно научной философии, а и строго установленный бесспорный факт. Науке известны такие случаи – маугли и тарзаны существовали не только на страницах книг и экранах. Но эти тарзаны были совершенно непохожи на своих литературных и кинематографических тезок – не только элементарного «ума», но и вообще ничего человеческого в них не было, даже человеческой мимики, даже умения ходить на двух ногах. Волчьи телодвижения, волчьи повадки, волчья психика, волчий оскал морды.

И перевести эти несчастные существа в человеческий план поведения оказалось почти невозможно, настолько прочно сформировался их мозг и тело в качестве органа, обслуживающего волчий способ жизнедеятельности. Человеческих условий жизни они перенести не могли и, как правило, быстро умирали в этих условиях. В других – нормально-человеческих условиях – из этих детей, может быть, выросли бы не только «умные», а и прославившиеся своим умом люди.

«Ум», таким образом, есть дар не «естественный», а общественно-человеческий (социальный) дар – дар общества человеку. От природы каждый человек получает тело и

мозг, способные развиваться в органы «ума», стать умными в самом высоком и точном смысле слова. А есть в итоге этот «ум» или нет его – зависит уже совсем не от природы. И грехи общества, до сих пор распределявшего свои «дары» не так [263] справедливо и демократично, как матушка природа, совсем незачем сваливать на ни в чем не повинную мать.

Все дело в условиях, в которых развивается человек. В одних условиях он обретает способность «самостоятельно мыслить» (и тогда о нем говорят как о «способном», о «талантливом», об «одаренном»), а в других условиях из него вырастает умственно недоразвитый человек, тупица, шагу не умеющий ступить без подсказки, без указаний и приказаний.

Коммунистическое общество поставило перед собой великую и благородную цель – создать для всех людей, для каждого входящего в жизнь человека «подлинно человеческие условия развития» – такие условия, внутри которых «талантливость» и «одаренность» были бы тем, чем они и являются на самом деле, – не счастливым исключением из правила, а именно нормой, естественным статусом человеческого существа. Ибо «ум» – это нормальный результат развития нормального в медицинском отношении мозга в нормальных человеческих условиях.

«Ум», то есть способность самостоятельно мыслить, формируется только в ходе индивидуального усвоения умственной культуры, созданной трудом предшествующих поколений людей. «Ум», собственно, и есть не что иное, как эта умственная культура эпохи, духовное богатство общества, превращенное в личную собственность, в личное достояние. В составе «ума» нет ничего другого, кроме общественно-человеческой культуры.

Поэтому первым условием является открытый доступ к сокровищам духовной культуры для каждого человека, а не только для счастливых, как это было раньше: и при рабовладении, и при феодально-крепостническом строе, и при капитализме.

Коммунизм впервые открывает для всех людей, для каждого человека, независимо от того, в какой семье ему довелось родиться на свет, широкий доступ ко всем сокровищам духовной культуры, накопленным в книгах, в картинах, в симфониях, создает равные и – что еще важнее – равно обеспеченные материально права на овладение всем этим богатством.

Но права эти надо еще уметь использовать.

Бывает ведь, и очень часто, так, что человек получает в наследство огромное богатство, а распорядиться им – увы! – не умеет. И лежит это богатство мертвым капиталом, ржавеет и в конце концов тает. Бывает и наоборот, человек и малым умеет распорядиться так умно, что в итоге оказывается богаче глупого наследника миллионов...

С духовным богатством дело обстоит точно так же. Недостаточно [264] получить от общества право на владение им. Надо им действительно овладеть, то есть научиться действовать так, чтобы оно росло, а не таяло, не ржавело, не лежало мертвым грузом в кладовых памяти.

«Ум» и заключается в умении правильно обходиться с духовным богатством, пусть оно сначала и невелико. Если ты научишься владеть малым, то и большое для тебя не составит неразрешимой проблемы. А эта наука дается легче всего как раз в молодости, когда мозг

еще не успел закоснеть, закостенеть, привыкнуть к штампу, к догме, к хождению по заезженной колее.

Когда ты просто «задолбил» то или иное правило, то вовсе не ты владеешь им, а оно владеет тобой, управляет тобой, как своим говорящим орудием. (А «говорящим орудием» называли древнегреческие философы раба.) Тогда ты именно раб знания, раб духовной культуры, а не хозяин ее. Тогда только в собственной иллюзии ты «унаследовал духовное богатство», а на самом-то деле оно унаследовало тебя с твоим мозгом, превратило тебя в живое орудие своей мертво-окаменевшей схемы.

В такого раба как раз и превращает человека зубрежка, чисто формальное усвоение знаний, при котором сильно загружается память, но ни в малейшей мере не упражняется и не развивается «способность суждения» – «ум».

При этом мозг, пригодный для того, чтобы превратиться в орган мышления, в орган «ума», превращается всего-навсего в «запоминающее устройство». Именно таким способом и производятся на свет «глупые люди», то есть люди с искаленным мозгом, с атрофированной «способностью суждения». Люди, не умеющие соотносить заученные ими знания – общие истины – с конкретной реальностью.

Зубрежка, подкрепляемая бесконечным «повторением» (которое вернее было бы называть не «матерью», а мачехой учения), калечит мозг тем вернее и бесповоротнее, чем, как это ни парадоксально, правильнее сами по себе те самые истины, которые заучиваются таким образом.

В самом деле, неверную и явно не соответствующую действительности идею или истину из головы человека быстро выветрит его собственный опыт; столкновение такой «истины» с противоречащими ей фактами поставит его перед необходимостью усомниться, задуматься, сопоставить, спросить «почему?» и вообще «пошевелить мозгами». Зазубренная без понимания абсолютная истина никогда ему такого повода не предоставит.

В итоге мозг, напичканный подобными верными истинами, вообще отвыкнет «шевелиться», самостоятельно думать. [265] Он начинает действовать как счетно-вычислительная машина, то есть совершать лишь «запрограммированные действия» – действия по готовым (то есть другими мозгами, другими людьми разработанным) схемам. Сам построить хотя бы элементарную схему своего собственного действия он уже не может. Не научен он этому, не приучен он к этому. А это самая главная черта человеческой психики, отличающая человеческую психику от действий автомата или дрессированного животного.

Так происходит обязательно, если учение (то есть «вступление в наследство» ранее накопленным духовным богатством) сводится к простому заучиванию готовых истин – результатов чужой работы, без изучения того пути, на котором эти результаты были получены, обретенны, без понимания той трудной работы, которая эти результаты породила. И потому без воспитания в себе самом умения такие же результаты получать самому.

Зазубренная без понимания «истина» становится для мозга чем-то вроде рельсов для поезда, с которых он не может сойти даже там, где эти рельсы ведут в пустыню, мимо самых интересных и важных фактов, – мозг привыкает двигаться только по проторенным и затоптанным (другими мозгами) путям. Все, что лежит вправо или влево от них, его уже не интересует, кажется «не относящимся к делу», чем-то таким, на что и глядеть-то не стоит.

Это и имел в виду немецкий писатель-философ Бертольд Брехт, когда говорил, что «человек, для которого дважды два – четыре есть не подлежащая никакому сомнению истина, никогда не станет великим математиком». Совершенно верно: счетчиком-вычислителем он может стать даже весьма неплохим, но математиком он не станет не только великим, а и просто хорошим.

И когда человек, с детства, смолodu воспитанный в таком духе, приходит в науку, из него получается ученый педант, превосходно знающий все то, что о вещах сказали или написали другие люди, но не видящий самих этих вещей, не умеющий рассматривать эти вещи своими глазами, а потому не могущий и проверить: а верно ли то, что о них наговорили другие? И мозг такого человека легко может заменить самое примитивное «запоминающее устройство» (скажем, магнитофон).

Про эдакого педанта хорошо сказал Карл Маркс:

«Этого молодца мне придется приберечь для примечания. Для текста такие педанты не подходят. Рошер обладает большим и часто очень полезным знанием литературы, хотя даже здесь я ясно узнаю питомца Геттингена, который [266] ориентируется свободно в литературных сокровищах и знает только, так сказать, «официальную» литературу; почтенный человек! Но, не говоря уже об этом, какая польза мне от человека, знающего всю математическую литературу, но не понимающего математики?

Если подобный педант, который по своей натуре никогда не может выйти за рамки учебы и преподавания заученного и сам никогда не может чему-либо научиться, если бы эдакий Вагнер был, по крайней мере, честен и совестлив, то он мог бы быть полезен своим ученикам. Лишь бы он не прибегал ни к каким лживым уловкам и напрямик сказал: здесь противоречие; одни говорят так, другие – этак; у меня же по существу вопроса нет никакого мнения; посмотрите, не можете ли вы разобраться сами. При таком подходе ученики, с одной стороны, получили бы известный материал, а с другой – был бы дан толчок их самостоятельной работе. Конечно, я в данном случае выдвигаю требование, которое противоречит природе педанта. Его существенной особенностью является то, что он не понимает даже самих вопросов, и потому его эклектизм приводит в сущности к тому, что он занимается только собиранием уже готовых ответов...»³

В этой блестяще-точной характеристике ума педанта ясно прочитывается собственная точка зрения Маркса на интересующий нас вопрос о том, как умный человек относится и должен относиться к науке, то есть к уже накопленному человечеством богатству знаний.

Педант относится к науке как к огромной коллекции «положений», «высказываний», не понимая того обстоятельства, что эти «положения» только тогда имеют для человека смысл, когда в них видят ответы на серьезные вопросы. Поэтому, чтобы верно понять науку, надо прежде всего ясно и четко понять те реальные вопросы, те реальные проблемы, те реальные (и когда-то, а может быть, и до сих пор, неразрешенные) задачи, над которыми эта наука трудится.

Просто заучивать научные положения без понимания этого обстоятельства – это такое же нелепое и непродуктивное занятие, как и зубрить наизусть «ответы», печатаемые обычно в конце задачника по арифметике, даже не пытаясь решать задач, разгадками коих служат эти цифры-ответы...

И во-вторых, что не менее важно: действительный вопрос, всякая действительно серьезная проблема или задача, требующая научного ответа или решения, всегда вырастает перед сознанием в виде противоречия, внешним образом это и выражается в том, что по поводу одного и того же предмета «одни говорят так, другие – этак». [267]

Это и есть та ситуация, которая требует самостоятельного раздумья, самостоятельного разбора вопроса по существу, самостоятельного рассмотрения «вещи», по поводу которой возник такой спор.

Когда нет дискуссии, то никакой нужды и потребности в самостоятельном мышлении, собственно, не возникает и не может возникнуть. В таком состоянии единодушия и согласия нет никакой пищи для «ума»; «ум» дремлет без употребления, а в конце концов может атрофироваться даже у того, кто им ранее обладал.

Здесь как раз обнаруживается вся глубина и точность философии Маркса и Ленина, подтверждается справедливость аксиомы диалектики, согласно которой именно противоречие является движущей пружиной, стимулом и «мотором» всякого развития. В том числе развития «ума».

Когда в составе научного знания вдруг появляется противоречие (одни начинают говорить так, а другие – этак), тогда только и возникает, собственно, необходимость глубже и конкретнее рассмотреть сам предмет. Противоречие в данном случае выступает как четкий показатель и индикатор того обстоятельства, что готовое, уже завоеванное знание, зафиксированное в общепризнанных «положениях», в данном случае оказалось недостаточным для точного, строго однозначного решения. Это показывает, что имеющееся знание чересчур общо, чересчур абстрактно и поэтому может служить основанием для прямо противоположных выводов, каждый из коих по-своему справедлив и обоснован.

Педантичный «ум», смолodu приученный к действиям по штампу, по готовому рецепту «типового решения» (то есть по схеме, изготовленной для него другими людьми), при появлении противоречия сразу теряется, начинает метаться, опять и опять соскальзывая на проторенные и затоптанные рутинные пути решения. А поскольку задача по-прежнему остается нерешенной, он впадает в истерику. Педант-догматик поэтому и не любит противоречий. Он всегда старается их избежать, замазать, сделать вид, что их нет. В таком отношении к противоречию обнаруживается его собственное неумение (неспособность) справиться самому с решением задачи, не поддающейся решению с помощью шаблонных способов и средств...

Вообще отношение к противоречию является самым точным критерием культуры ума. Даже просто показателем наличия или отсутствия человеческого «ума», человеческого мышления в его главном отличии от психики дрессированного животного в цирке.

Когда-то в лаборатории И.И. Павлова над собакой [268] производили такой эксперимент: у нее старательно отработали положительный слюноотделительный рефлекс на изображение круга, и отрицательный – на изображение эллипса; собака быстро научилась точно отличать круг от эллипса; затем в один прекрасный день этой ученой собаке предлагали несколько более сложную задачу – ей показали круг, а затем начинали поворачивать его так, чтобы он с точки зрения собаки превращался в эллипс. Собака начинала беспокоиться, а затем либо впадала в самую настоящую истерику, либо в тупую апатию, переставая вообще на что-либо реагировать, обиженно отворачивая морду и от круга и от эллипса, не желая их различать. А дело тут в том, что два строго и однозначно

отработанных рефлекса, две схемы действия, прямо противоположных по знаку («+» и «-»), в какой-то точке времени включались сразу и сталкивались в сшибке, в конфликте, в антиномии. Для собаки это было непереносимо – напряжения этого состояния ее мозг вынести не мог. Он отказывался решать задачу именно в тот коварный момент, когда происходило превращение «А» в «не-А» – момент «отождествления противоположностей».

Это тот самый момент, в отношении к которому четко и ясно выявляется принципиальное отличие человеческого мышления от отражательной деятельности любого животного. Здесь оно видно ясно, как на ладони, и павловский эксперимент можно рассматривать как блестящее подтверждение слов Энгельса:

«Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: *индукция, дедукция*, следовательно, также *абстрагирование* (родовые понятия у Дидро: четвероногие и двуногие), *анализ* незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), *синтез* (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, *эксперимент* (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы – стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования – совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны... Наоборот, диалектическое мышление – именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, – возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии...»⁴ [269]

Диалектика, диалектическое мышление – это не мистически таинственное искусство, свойственное лишь избранным умам, философам по профессии, хотя впервые принципы его и были четко установлены лишь в философии. Это просто-напросто действительная Логика действительного человеческого мышления, и воспитываться оно может и должно уже в молодости.

А начинается оно именно там, где человек – в отличие от животного – научается, по выражению Гегеля, выносить «напряжение противоречия», а затем – находить этому противоречию действительное, а не словесное разрешение.

Для подлинно культурного «ума» появление противоречия в выражении факта – это сигнал появления действительной проблемы, задачи, не разрешимой с помощью уже известных, уже прочно заштампованных действий, зазубренных (с чужих слов) схем или «истин». Для человека это, собственно, и есть сигнал для включения *мышления* в его социально-человеческом смысле – сигнал к самостоятельному рассмотрению *самой вещи* (а не к воспоминанию того, что об этой вещи сказали другие люди).

...Не так давно, на одном из совещаний, посвященных школьному образованию, разбирался вопрос о причинах, по которым у многих старшеклассников снижается интерес к науке, а как следствие – и результаты обучения, теоретическая культура выпускников оказываются ниже, чем следовало бы. По ходу обсуждения один из заслуженных деятелей нашей математической науки высказал примечательную мысль. Одну из главных причин тревожного явления он увидел в том, что в школьных программах и учебниках «слишком много окончательно установленного», «слишком много абсолютных истин», подлежащих только заучиванию. А заучивание не развивает «ума», вызывает скуку и падение интереса к вещам. Ученики, с детства наглотавшиеся «жареных рябчиков абсолютной науки»

(выражение Карла Маркса), не находят затем путей к самостоятельному мышлению, к самостоятельному раздумию над ними.

«Вспоминаю себя, – продолжал ученый, – пытаюсь понять – где проснулся мой собственный ум. И вот что приходит на память. В первом классе гимназии полагалось изучать «закон божий». Преподаватель-поп объяснил нам, что господь бог создал и мир, и нас самих, и все растения и животных за одну неделю. Мы, детишки, запомнили это объяснение, усвоили его и на том успокоились. Все казалось понятным и думать было не о чем. А в третьем классе к нам пришел учитель естествознания и начал с того, что объявил это представление о происхождении животных и человека – сказкой [270]. От него мы услышали, что человек произошел от обезьяны без всякого вмешательства бога. Естественно, возникло желание разобраться, – кто же из них прав, как все произошло на самом деле, возникли споры, нас потянуло к книгам...

Вспоминаю дальше. Литературу нам преподавал убежденный последователь Белинского. Пушкина он толковал по Белинскому – то есть глубоко, грамотно и тонко. И мы привыкли смотреть на Пушкина его глазами, то есть глазами Белинского. Воспринимая как «несомненное» все то, что он говорил, мы и в самом Пушкине привыкли видеть только то, что о нем сказано у Белинского, – и ничего сверх этого... Так было до тех пор, пока мне в руки не попала случайно известная статья Писарева. Она привела меня в полное замешательство. Как же так? Все наоборот, и все тоже убедительно, все тоже доказано. Как быть? И только тут я всерьез взялся за самого Пушкина, только тогда я сам разглядел подлинные красоты и глубины. И только тут я по-настоящему, – а не по-школьному, – прочитал и понял и самого Белинского, прочитал в нем и то, чего учитель не говорил...»

А сколько людей ушло из школы в жизнь, усвоив (то есть зазубрив) «несомненные» и потому не подлежащие дальнейшему обдумыванию фразы из учебников, посвященные Пушкину, частью верные, частью весьма поверхностные, и на том успокоившись на всю жизнь?

Зачем, в самом деле, читать, думать, спорить, если и так все ясно, как божий день; зачем рассматривать самую вещь, если ты знаешь все то, что про нее сказано самыми умными людьми, самыми почтенными авторитетами? Разве ты сумеешь разглядеть в ней еще что-нибудь новое?

Так и вырастает педант, знающий иной раз все, что наговорили про этот мир другие, пусть даже самые умные люди, но не видящий уже самого реального мира, самых вещей, и потому не умеющий ни сопоставить, ни сравнить чужие слова с самой вещью. Любые фразы, как верные, так и вздорные, начинают казаться одинаково «несомненными». Особенно, если их произносят «от имени Науки», от имени авторитета. А тогда как же разобраться, где подлинная Наука, а где – сомнительный ее суррогат?

Могут сказать, что молодежи надо внушать «правильные истины», «твердо установленные основы», «абсолютно достоверные» принципы знания и морали, а не сеять в неокрепшие еще мозги сомнения, противоречащие друг другу утверждения и скепсис.

Верно. Но не следует ни на секунду забывать, что все эти «твердо установленные основы», будь то основы Науки или Нравственности, сами суть не что иное, как содержательные [271] *ответы*, с трудом найденные людьми, не что иное, как формулы решений, доставшиеся людям после тяжкого труда, в ходе решения трудных задач, не что иное, как *разрешенные* когда-то и кем-то *противоречия*, а не «жареные рябчики абсолютной

науки», свалившиеся с небес абсолютной истины, с трона авторитета. Ведь и жареного рябчика кто-то должен сначала застрелить и зажарить.

И этому искусству (а не заглатыванию пережеванной чужими зубами пищи) нужно учиться уже с детства, уже в молодости. Потом будет поздно.

«Голый результат без пути к нему ведущего есть труп» – так красочно выразился великий диалектик Гегель про «истину», превратившуюся в догму, в застывшую формулу и в этом виде заученную. Даже самая верная сама по себе истина становится мертвой, когда ее усваивают таким вот образом, то есть не знают и не понимают, какое именно противоречие нашло в ней свое единственно верное разрешение, ответом на решение какой именно задачи или проблемы родилась когда-то эта истина.

Отделенная от пути, к ней приведшего, от поиска, от работы «ума», ее создавшего, любая истина становится «трупом». И тогда мертвый хватает живого, не даст ему идти вперед по пути истины. Омертвевшая, окаменевшая в словесном материале истина становится врагом истины живой, развивающейся. Так получается догматически окостеневший интеллект, ум цитатчика, начетчика, умеющего действовать в любой области только по указке, по строго сформулированной схеме, по шаблону, по указанию, но не умеющего самостоятельно проанализировать новые реальные, конкретные факты и явления.

Культура человеческого мышления вообще состоит в том, чтобы всегда суметь видеть конкретность факта, выявить в этом факте противоречие и, остро сформулировав его, искать затем ему разрешение – опять же в плане самих фактов, самих реальных условий задачи, а не в плане чисто словесных манипуляций. А это достигается умением полемизировать с самим собою – без наличия внешнего оппонента, другого человека, который стоял бы рядом и напоминал бы тебе про не учтенные тобой стороны, аспекты, – критиковал бы допущенную тобою односторонность взгляда (в философии такая односторонность называется абстрактностью) и заставлял бы тебя обратить внимание на те стороны дела, которые с твоей точки зрения кажутся «несущественными», «неважными».

Ведь «несущественными» и «неважными» они могут казаться лишь до поры до времени и в какой-то решающий [272] момент опрокинуть все твои абстрактно-верные и «непротиворечивые» планы и затеи. Диалектически мыслящий (или просто «умный») человек тем и отличается от недиалектически мыслящего, что умеет заранее – наедине с собой – взвешивать все «за» и «против», не дожидаясь, пока эти «против» выскажет ему противник. Он заранее учитывает все «против», их цену и вес и готовит контраргументы.

Человек же, который, готовясь к спору, старательно и пристрастно коллекционирует одни «за», одни «подтверждения» своему тезису, оказывается очень плохо вооруженным. Его быют тем вернее, неожиданнее, чем более он был слеп к таким сторонам действительности, которые могут служить и служат основанием для прямо противоположного взгляда.

Тут-то и проявляется все коварство так называемых «абсолютных истин», зазубренных без понимания, без учета тех условий, внутри которых они верны. И чем «абсолютнее» и «безусловнее» абстрактная истина, тем ближе она к роковому пункту превращения в свою собственную противоположность.

Дважды два – четыре? Вы уверены, что это абсолютно несомненная истина? В таком случае из вас никогда не получится математик. Получится счетчик-вычислитель, могущий

работать под чужим руководством, под наблюдением настоящего математика, знающего, что дело обстоит далеко не столь просто.

Если вы «сложите» две и две капли жидкости, то получите одну большую каплю, а вовсе не четыре. Или сорок четыре. А может быть, и пять.

Слейте вместе два литра воды с двумя литрами спирта – и вы получите не четыре литра известного напитка, а несколько – увы! – меньше; при «соединении» известного числа атомов в ядерных реакциях происходит не только уменьшение числа атомов, а и знаменитый «дефект массы» – убывание массы вещества.

Дважды два дадут вам ровно четыре только в том случае и при том условии, если «сложению» подвергаются такие частички материи, которые ничуть не изменяются оттого, что их складывают. Если же соединению подвергаются частички, создающие при этом соединении нечто новое, то вы должны быть готовыми к тому, что цифровой результат такого «сложения» не совпадет с результатом, рассчитанным по таблице умножения. Современная физика давно научилась обходиться с такими «рассогласованиями» расчетных цифр, полученными в опыте. Она видит в них не результат ошибки в вычислениях (хотя и такое, конечно, случается), а «правильное» математическое выражение того качественного [273] изменения, которое произошло с исходными частицами при их «сложении», при их соединении в нечто новое. Рассогласование цифр и сигнализирует нам о том, что где-то в процесс «сложения» вмешался не известный нам ранее и потому не учтенный нами фактор. Этот фактор и надо искать, чтобы разрешить противоречие, устранить «рассогласование», чтобы и в расчеты внести ту поправку, которую он вносит в реальный процесс.

Дважды два – четыре, как и любой закон природы и общества, верен лишь там и тогда, где и когда соблюдены (имеются налицо) все условия его действия и его «применимости». Когда есть предмет, подчиняющийся этому закону.

Любой реальный конкретный процесс – будь то в обществе или в природе – всегда представляет собою сложнейшее переплетение различных тенденций, выражаемых «разными» законами и формулами. Отсюда-то и получается, что каждый из этих законов науки может быть совершенно справедлив и очень точно сформулирован, а общая картина процесса в целом окажется все-таки совершенно не похожей ни на одно из своих «абстрактных изображений», будет «опровергать» каждое из них (каждую верную формулу или правило), взятое порознь... И эти «абстрактные изображения» тоже будут взаимно «опровергать друг друга».

Это не потому, что одни теоретики говорят так, а другие эдак, а по той причине, что «разные стороны» реального события, реального факта, верно выраженные в «разных формулах», реально противоречат друг другу, «опровергают одна другую», вносят друг в друга «поправки», «искажения».

Отсюда и получается, что когда вы прямо накладываете «абстрактную формулу» (даже такую, как $2 \cdot 2 = 4$) на конкретный факт, то между ними может возникать самое настоящее противоречие, даже при том условии, что эта формула сама по себе совершенно верна.

И если вы столкнулись с такой ситуацией, когда очевидный факт «противоречит» усвоенной вами «научной формуле» и «опровергает» ее, то не спешите разочаровываться в «научной формуле», не спешите объявлять ее «иллюзией», «обманом», «заблуждением».

Заблуждение тут может таиться вовсе не в научной формуле, а в вашем только к ней отношении, в вашем ее понимании. Поэтому человек, смолodu приученный к догматическому мышлению, обречен на очень неприятные для себя столкновения с жизнью.

Наука и ее абстрактные формулы для него навсегда останутся предметом слепого поклонения, а жизнь – сплошным поводом для истерики, ибо, поставленный перед [274] необходимостью самостоятельно разрешать противоречия между абстрактно-верной истиной и конкретной полнотой жизни, он, не приученный к этому с самого начала, в самом ходе усвоения абстрактных положений науки, растеряется и станет метаться между наукой и жизнью. То он станет жертвовать наукой ради правды жизни, то жизнью ради науки, то есть пренебрегать ее сложностью, отворачивать от нее глаза, чтобы, упаси бог, в поле зрения не попал «противоречащий» научной формуле реальный факт.

То он станет кричать, что наука – это сплошной обман и что жизнь на нее совсем не похожа, то, наоборот, станет презрительно фыркать на жизнь, которая протекает и развивается не по науке.

Философия и психология давно установили, что скептик-агностик – это всегда разочаровавшийся догматик, что бесплодный скепсис – это обратная сторона догматизма, его неизбежное дополнение и результат. Догматизм и скепсис – это две стороны одной медали, две взаимно питающие и взаимно провоцирующие друг друга позиции, две одинаково мертвые и одинаково бесплодные половинки, на которые в известных условиях воспитания разрезается живой «ум».

Скептиков никто сознательно не воспитывает, напротив, со скептицизмом (особенно в среде молодежи) всегда борются, его высмеивают, его осуждают морально. А скептики все-таки появляются. Откуда? Из догматиков, столкнувшихся лбом с противоречиями живой жизни.

Воспитание догматика ведь заключается как раз в том, что человека приучают смотреть на окружающий мир только как на огромный резервуар «примеров», подтверждающих правильность одних истин и опровергающих другие истины, прямо им противоположные. Когда человека тщательно оберегают от соприкосновения и знакомства с фактами, служащими основанием для прямо противоположных взглядов и убеждений, от чтения сочинений, эти взгляды обосновывающих, то в результате и получается беспомощный догматик, твердый в своих собственных убеждениях только до тех пор, пока не уткнется сам в противоречащие им факты, не прочитает сочинения, излагающие противоположный взгляд.

Ведь эти факты, от коих его уберегали, будут иметь для него «преимущество новизны», сладость «запретного плода» в отличие от «привычного», от зазубренного, успевшего порядком надоесть.

«Тогда юноше кажется, будто лучшее средство доказать, что он вышел из детского возраста, – это пренебречь такими доброжелательными предостережениями, и, привыкнув к [275] догматизму, он жадными глотками пьет яд, догматически разрушающий его основоположения...»⁵

Не умея диалектически соотносить свои абстрактно-всеобщие убеждения с конкретной действительностью, он, естественно, не умеет критически относиться и к противоположным взглядам. То они казались ему на сто процентов ложными, поскольку он не был знаком с их

реальными основаниями, то, наоборот, уверовал в их правоту тоже на сто процентов, поскольку увидел, что они тоже основываются на известных фактах. Пометавшись между тем и другим, он вообще перестает доверять общим истинам и убеждениям, приходит к выводу, что все относительно, и только относительно, что никакой разницы между правдой и ложью нет, что добро и зло – только ничего не значащие словечки, а красота имеет ничуть не более преимуществ, чем уродство и безобразие.

В философии эта позиция называется «релятивизмом», ее ходячая формула – «все в мире относительно», «все позволено», а человек, ее исповедующий, именуется скептиком-индивидуалистом.

Что догматизм рано или поздно с неизбежностью вырождается в скепсис – это давно известный философии и психологии закон. Понимая это, Гегель расценивал «скептицизм» как следующую за «догматизмом» и в известном смысле более высокую форму «развития духа», как естественную ступень и форму преодоления наивного догматизма. Ибо если догматик всегда упорствует, защищая одну абстрактную половинку истины против другой, не умея самый предмет спора увидеть и в его рассмотрении найти умное и конкретное разрешение противоречия, то скептик, также не умея это сделать, по крайней мере видит обе половинки и понимает, что они имеют равные основания. И колеблется между ними, не в силах (не имея оснований, поскольку самого предмета не видит, а видит только два его изображения, два одинаково догматических образа) сделать самостоятельно решительный шаг. Скептик поэтому всегда оказывается в грустном положении «Буриданова осла».

Но скептик перестанет быть скептиком, если ему удастся объяснить, почему один и тот же предмет в одно и то же время одному догматику представляется в образе «А», а другому – в образе «не-А».

Диалектическое мышление, согласно Гегелю, включает в себя скепсис – разумную долю сомнения, которая не дает научным положениям застыть, окаменеть, превратиться в «догму». Но в качестве такового это уже не «скепсис», а [276] просто разумная самокритичность – критичное отношение ко всем абстрактным формулам, умение постоянно соотносить их с конкретной действительностью, проверить их в столкновении с фактами.

Живой диалектический ум не составишь из двух одинаково мертвых половинок: из «догматизма» и «скепсиса», хотя именно на эти составные части он и разлагается, умирая (как вода не есть простая смесь кислорода и водорода, а есть нечто новое, третье).

«Ум» – это живое диалектическое единство «несомненного» с «сомнением», системы ясных и четких научных истин – с критичным отношением к любой из них. «Сомнение» здесь не самоцель, а средство для обнаружения общих истин, выдерживающих самое придирическое сомнение.

«Все подвергай сомнению» – этот девиз философа Декарта был любимым лозунгом в жизни Карла Маркса, как философа и как экономиста, как человека и революционера.

Но что выдержит такое сомнение – на том уж стой твердо.

Так что если вы хотите воспитать из человека законченного скептика и маловера, то нет для этого более верного способа, чем зазубривание, догматическое «вдалбливание» ему в голову готовых истин, «абсолютных и несомненных формул».

И наоборот, если вы хотите воспитать человека, не только твердо убежденного в могуществе научного знания, но и умеющего применять его силу для разрешения противоречий живой жизни, то примешивайте к «несомненному» разумную – и в этом случае безвредную – дозу «сомнения» (по-древнегречески «сомнение» – это и есть «скепсис»).

Поступайте так, как давно поступает медицина, когда сознательно прививает новорожденному ослабленную культуру страшнейших (для взрослого, не только для младенца) болезней, заставляя его переболеть такими болезнями в безопасной форме.

Приучайте себя и других каждую общую истину рассматривать в процессе ее рождения, то есть понимать ее как содержательный ответ на вопрос, вставший из гущи жизни, как способ разрешения противоречия, не разрешимого старыми, донаучными средствами.

Приучайте и себя и других каждую общую истину самостоятельно проверять в столкновении, на очной ставке с противоречащими ей фактами, чтобы научиться разрешать конфликт между «общей истиной» – «фактом» в пользу подлинной – конкретной истины, памятуя, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» (В.И. Ленин).

И помните, что верховным критерием правильности вашего [277] мышления всегда была и остается та самая жизнь, в мысленном выражении которой возникли мучающие вас противоречия. Ходом живой жизни, ходом практики, ходом эксперимента противоречия эти были рождены – в нем же, и только в нем, они находят и свое разрешение.

Вне практики, писал Маркс, ставить вопрос о том, соответствуют выводы вашего мышления контурам объективной действительности или же расходятся с ними, нельзя. Ставить вопрос «абстрактно», то есть вне связи с практикой жизни, – значит обрекать себя на безвыходную схоластику, на бесплодное кружение среди чужих слов.

Не надо только забывать, что «жизнь» и «практика», о которой тут идет речь, – это жизнь и практика в самом серьезном, глубоком и конкретном их значении. Точка зрения марксистско-ленинской философии – это точка зрения революционной практики, взятой во всем ее объеме и в исторической перспективе. И ни в коем случае не точка зрения узкопрагматически понимаемых интересов и преходящих потребностей сегодняшнего дня, какими бы «актуальными» и «злободневными» они подчас на первый взгляд ни казались. И здесь тоже придется думать, придется различать между тем и другим, придется опять «разрешать противоречие». На этот раз – противоречие между кажущейся и действительной злободневностью – между марксистско-ленинским и узкопрагматическим пониманием требований жизни, требований общественной практики. Так что критерий практики не избавит вас от необходимости думать, мыслить, сопоставлять и спорить. Наоборот, он обязывает вас думать еще напряженнее, еще умнее, еще грамотнее.

И этому умению лучше и легче всего учиться у Маркса, у Энгельса, у Ленина, читая, перечитывая и продумывая их труды, их мысли – их живую диалектическую мысль.

Только на этом пути можно научиться уверенно различать истину от заблуждения, правду – от правдоподобной лжи. А без умения их различать человеку в жизни приходится очень туго.

До сих пор мы говорили только про истины типа «дважды два – четыре», про то, что к ним надо относиться с «умом».

Но ведь, кроме таких общих истин, которые при правильном к ним отношении, при умении обращаться с ними делают человека сильнее, в мире широчайшее хождение имеют и устойчивые общие иллюзии, обретающие подчас вид самых что ни на есть «общих истин», даже «абсолютных истин». Это формулы, отражающие вовсе не подлинное устройство окружающего нас мира, а всего-навсего обманчивую видимость, [278] создаваемую ограниченностью нашей собственной точки зрения на этот мир.

Нагляднейшим примером такой «абсолютной истины» может служить хрестоматийный пример иллюзии, создаваемой вращением Земли. Все люди всегда являлись и являются свидетелями того факта, что Солнце вращается вокруг Земли – восходит на востоке и заходит на западе. И долгие века это «научное положение», подтверждаемое ежедневным наблюдением, считалось настолько «абсолютным» и «несомненным», что на человека, посмеявшегося усомниться в нем, смотрели как на сумасшедшего или, еще того хуже, как на злодея, как на врага знания, здравого смысла и всех устоев.

Философ и астроном Джордано Бруно, осмелившийся открыто заявить, что на самом деле все выглядит как раз наоборот, был сожжен на костре как вреднейший еретик. А таких «истин» в мире обращается очень и очень много, и, чтобы различить их от подлинных истин, отражающих объективное строение окружающего нас природного и общественного мира, как раз и нужно иметь развитый диалектический ум. Без него человек всегда окажется рабом ходячих предрассудков, рабом модных мнений, рабом иллюзий. Как следствие – игрушкой в руках других людей.

А для воспитания в себе диалектического ума «не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии» (Ф. Энгельс)⁶.

Так не стоит ли поинтересоваться ею всерьез уже в молодости? [279]

¹ Кант И. Критика чистого разума /Сочинения, т. 3, с. 218. [Цитата неточная – А.М.]

² Там же.

³ Письмо к Лассалю от 16 июня 1862 года.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 537-538.

⁵ Кант И. Критика чистого разума, с. 627, 628.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 366.